

ТРАНСФОРМАЦИЯ ТРАНСГРАНИЧНЫХ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ НА РОССИЙСКО-УКРАИНСКОМ ПОГРАНИЧЬЕ ПОСЛЕ 2014 ГОДА

Владимир Александрович Колосов

*Институт географии РАН,
Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
Москва, Россия*

Информация о статье: <i>Поступила в редакцию:</i> 1 марта 2018 <i>Принята к печати:</i> 27 апреля 2018	Аннотация: В статье исследовано влияние политического кризиса между Россией и Украиной на развитие и взаимодействие регионов российско-украинского пограничья. Кратко анализируются предпосылки, которые привели к затяжному политическому конфликту между двумя государствами. Изучена динамика основных социально-экономических показателей приграничных регионов. Установлено, что градиенты между соседними регионами двух стран на всех участках пограничья существенно усилились. Наиболее резкие градиенты в 2016 г. были выявлены на участках границы между Белгородской и Харьковской, Ростовской и Донецкой областями. Проведен анализ состояния приграничных взаимодействий и адаптации хозяйства и социальной сферы к изменившимся условиям на пяти ключевых участках пограничья. Выявлено, что несмотря на препятствия и сложности социальные взаимодействия, хотя и заметно ослабевают, до конца не прекращаются, что сохраняет возможности для возобновления сотрудничества при благоприятных условиях. <i>Работа выполнена в Институте географии РАН при поддержке гранта РФФ «Российское пограничье: вызовы соседства» №14-18-03621</i>
Об авторе: д.геогр.н., профессор, заместитель директора и заведующий лабораторией геополитических исследований, Институт географии РАН; заведующий кафедрой географии мирового хозяйства, Географический факультет МГУ им. М.В. Ломоносова e-mail: vladimirkolossov@gmail.com	Ключевые слова: Россия; Украина; кризис; пограничье; социально-экономические контрасты; приграничное сотрудничество; экономические связи

Российско-украинские отношения были сложными и нестабильными с первых дней после распада Советского Союза. Воссоединение Крыма с Россией и появление нового закрытого государственного рубежа, гражданская война в Донбассе стали новыми вызовами, радикально трансформировавшими обстановку в российско-украинском пограничье. Сокращение связей с Украиной существенно повлияло на хозяйство и повседневную жизнь населения приграничных районов России.

Приграничные территории России и Украины исторически тесно связаны друг с другом. С одной стороны, эти территории

несколько раз меняли государственную принадлежность, входили в состав одной или нескольких стран, с другой, эти территории многие годы развивались в составе Российской империи, а затем Советского Союза. Советский период был отмечен для них интенсивной социально-экономической модернизацией. В рамках единого государства они встраивались в общегосударственные кооперационные цепочки без учета внутренних (ныне государственных) границ¹.

¹ Багалій Д.І. Історія Слобідської України. – Харків: Дельта, 1993. [Bagalij, D.I. Istorija Slobids'koї Ukraini (History of Slobodskoy Ukraine). Har'kiv: Del'ta, 1993.]

Украинцы – близкородственный русским народ, в течение многих веков живший в одном с ними государстве. Их объединяют общая коллективная память, менталитет и традиции, тесно сросшиеся национальные культуры, унаследованные от недавнего прошлого экономические связи и, наконец, на индивидуальном уровне – семейные узы, существующие между миллионами людей. Поэтому разрыв между Украиной и Россией, как это часто бывает между близкими родственниками, оказался очень болезненным.

Настоящая статья посвящена влиянию кризиса в отношениях между двумя странами на взаимодействия между их приграничными районами, экономику и социальную сферу российского порубежья. В первой части статьи кратко анализируются предпосылки, которые привели к затяжному политическому конфликту между двумя государствами. Во второй части рассматривается специфика соседства и социально-экономические градиенты между соседними территориями двух стран. Затем проводится анализ состояния приграничных взаимодействий и адаптации хозяйства и социальной сферы к изменившимся условиям на пяти ключевых участках пограничья, соответствующих его природно-морфологическим различиям и характеру освоения.

Политические, исторические и этнокультурные особенности развития приграничных регионов России и Украины

Динамика российско-украинских отношений напрямую связана с путями государственного и национального строительства в обеих странах, отражающими сложную иерархию территориальных идентичностей. Внешняя политика Украины до недавнего времени была прямым проявлением дуализма украинских экономических, культурных и политических структур. Поиск геополитической ориентации Украины составлял неразрывную часть строительства национальной идентичности и был тесно переплетен с ключевыми проблемами украинской государственности, политических и экономи-

ческих реформ². Экономические факторы толкали Украину к востоку, а политические и «идеологические» факторы, связанные с задачами государственного строительства, – к западу. Эти противоречия можно рассматривать как конфликт между задачами национального и государственного строительства и ограничениями экономического развития³. Украинская этническая и политическая идентичность сильнее в западных регионах, а интеллектуальный потенциал и отрасли высокой технологии сконцентрированы преимущественно на востоке.

В условиях социально-культурной поляризации между востоком и западом страны (в реальности культурные различия в стране носят гораздо более сложный характер) среди украинской политической элиты еще в начале 1990-х гг. возобладало мнение, что Украина станет современным государством только тогда, когда в обществе будет достигнута определенная культурно-языковая однородность. Опасаясь раскола страны по региональным разломам⁴, украинские идеологи и государственные деятели взяли курс на строительство политической идентичности, объединяющей всех граждан независимо от их этнической, языковой, конфессиональной и региональной принадлежности, на основе украинской национальной (чаще именно западноукраинской) культуры, исторических представлений и стереотипов. Всякое государство, подчеркивали многие авторы, нуждается в особой системе нацио-

² D'Anieri, P.; Kravchuk, R.; Kuzio, T. *Politics and Society in Ukraine*. Boulder, CO: Westview Press, 1999; Kuzio, T. *Ukraine. State and Nation Building*. New York: Routledge, 1998.

³ Лапкин В.В. Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // *Полис. Политические исследования*. – 2016. – №4. – С. 54-64. [Lapkin, V.V. *Problemy nacional'nogo stroitel'stva v polijetnicheskikh postsovetskih obshhestvakh: ukrainiskij kazus v sravnitel'noj perspektive* (Problems of National Construction in Polyethnic Post-Soviet Societies: Ukrainian Case in Comparative Perspective) // *Polis. Politicheskie issledovaniya*, 2016, No. 4, pp. 54-64.]

⁴ Субтельный О. *Украина: история*. – Киев: Лыбидь, 1994. [Subtel'nyj, O. *Ukraina: istorija* (Ukraine: History). Kiev: Lybid', 1994.]

нальных мифов, символов и представлений, поэтому господствующая украинская историография является не националистической, но национальной. Главным способом укрепления общей политической идентичности и построения независимой Украины как нового крупного европейского государства стала известная в истории «оппозиционная» модель – противопоставление России⁵.

Предлагаемая политической и интеллектуальной элитой «национальная идея» основывалась на представлении, что украинцы – европейский народ, всегда тяготеющий к передовым странам Европы, насильственно отторгнутый от них после присоединения к России⁶. Отрицание культурного единства восточных славян, хотя и с некоторыми колебаниями, задолго до нынешнего кризиса закономерно привело к принятию «западной» геополитической доктрины и признанию НАТО гарантом национального суверенитета и безопасности. В связи с этим наследие почти трех с половиной столетий имперского и советского периодов истории стало рисоваться исключительно в черном цвете⁷. Поскольку украинская идентичность противопоставляется русской и «малороссийской» (идентичности русскоязычных и русифицированных украинцев), то из этого

следует необходимость сокращения социальной и культурной дистанции между регионами, строительства централизованного, унитарного государства, в котором вопросы образования и культуры решаются главным образом в столице⁸. Национальные стереотипы обязательно включают образы пространства: разные районы государства получают своего рода коды, и многие из них становятся национальными символами, рассматриваемыми как колыбель государственности, очаги национального сознания и борьбы за независимость. На географические образы опираются проекты государственного строительства, внешнеполитические стратегии (например, присоединения к НАТО или ЕС).

Современная «национальная идея» предполагает коренной пересмотр символического восприятия территории Украины и ее границ как органической части идентичности. В советский период главным регионом Украины был Восток. Причины этого – и экономические, и идеологические: высокая концентрация рабочего класса, который рассматривался как опора советской власти, средоточие крупнейших предприятий центрального подчинения, стратегически важных для всей страны, интернациональный состав населения, распространение русского языка. Множество выходцев с Востока постоянно пополняло ряды высшего советского партийного и военного руководства, интеллектуальную элиту, творческую интеллигенцию. Напротив, Запад, до Второй мировой войны никогда не входивший в состав общего с Россией государства, воспринимался как сельская, аграрная, сравнительно чуждая периферия и ассоциировался с «бандеровщиной» – партизанской борьбой против советской власти в первые послевоенные годы⁹.

⁵ Внутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014-2020 гг. Отв. ред. В.И. Пантин и В.В. Лапкин. – М.: ИМЭМО РАН, 2014. [Vnutripoliticheskie processy v Rossii i Ukraine i perspektivy rossijsko-ukrainskih otnošenij v period 2014-2020 (The Internal Political Processes in Russia and Ukraine and the Prospects for Russian-Ukrainian Relations in 2014-2020). Ed. by V.I. Pantin, V.V. Lapkin. Moscow: IMEMO RAN, 2014.]

⁶ Wilson, A. The Ukrainians: Unexpected Nation. New Haven and London: Yale University Press, 2015.

⁷ Вендина О.И., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б. Украина в политическом кризисе: образ России как катализатор противоречий // Полис. Политические исследования. – 2014. – № 5. – С. 50-67. [Vendina, O.I.; Kolosov, V.A.; Popov, F.A.; Sebentsov, A.B. Ukraina v politicheskom krizise: obraz Rossii kak katalizator protivorechij (Ukraine in the Political Crisis: the Image of Russia as a Catalyst for Contradictions) // *Polis. Political Studies*, 2014, No 5, pp. 50-67.]

⁸ Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis: From the Soviet Union into Eurasia? / Stoklosa K., Besier G. (Eds.). London and New York: Routledge, 2016. Pp. 234-258.

⁹ Западные окраины Российской империи: монография / Л.А. Бережная и др.; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. – М.: НЛЮ, 2006. [Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii: monografija (Western Suburbs of the Russian Empire) / L.A. Berezhnaja and oth.; Ed. by M.

Однако в годы независимости Запад, наоборот, стал рассматриваться как колыбель национально-освободительного движения и истинно украинской идентичности, оплот демократизации, обеспечивающий наряду со столицей социальный прогресс и желанное сближение с Европой, а жители Востока – русифицированными и одураченными коммунистической, а позже российской пропагандой, малообразованными «ватниками», не помнящими родства. Их позиция интерпретировалась как препятствие европеизации и демократической трансформации страны, русский язык же стал символом прокоммунистической ориентации и ностальгии по советскому прошлому¹⁰.

На Востоке приверженцы концепции единства трех восточнославянских народов полагали, что за много веков совместной жизни в рамках одного государства произошло естественное тесное взаимопроникновение родственных украинской и русской культур, сближение идентичностей русских и украинцев – по крайней мере, жителей Востока страны. Согласно такой позиции, в ходе «столкновения цивилизаций» общее русско-украинское культурно-лингвистическое пространство было расколото внешними силами, стремящимися изменить геокультурный «код» украинского народа, превратить Украину в периферию глобального Запада. Орудием этих сил стал радикальный украинский национализм в его галицийской версии. Именно Западная Украина, далекая периферия Запада – «чужая» в украинском государстве¹¹.

Жителям Востока была близка идея федерализации Украины как средства учета различных интересов регионов и отражения их ярко выраженной культурной специфики. Население Востока волновал не столько статус русского языка¹² и не столько пропо-

ведущая политической и интеллектуальной элитой «национальная идея», сколько ее принципиальный антироссийский компонент, навязываемое представление о неполноценности, культурной периферийности и зависимости «насильственно русифицированных» территорий от «национально сознательного» Запада. Важнейшую роль в расколе сыграли глубокие различия в коллективной исторической памяти и ценностях Востока и Запада. Жители Востока воспринимали себя как не жертвы советского строя, установленного «чужаками» из России, но как активные творцы истории коммунистического периода, хранили память не только о его провалах и несчастьях, но и достижениях, отстаивая право на собственную интерпретацию недавнего прошлого¹³, тем более, что экономический и интеллектуальный потенциал, уровень благосостояния на Востоке был выше.

Культурный и политический раскол между Востоком и Западом усугублялся конфликтом между региональными элитами, оспаривавшими контроль над центральными институтами власти. Представляющие разные части страны партии в значительной мере монополизировали поддержку избирателей в районах, на которые

более высокого статуса и изменение практики «украинизации». В конце президентства В. Ющенко советы таких крупных городов, как Харьков, Донецк, Днепр (тогда Днепропетровск), Одесса, Луганск, Николаев, Севастополь проголосовали за реализацию прав, предусмотренных ратифицированной Украиной Европейской хартией региональных языков или языковых меньшинств (в данном случае – использования русского языка в разных сферах деятельности), за что подверглись преследованиям прокуратуры, инициировавшей отмену соответствующих решений в судебном порядке.

¹³ Zhurzhenko, T. The New Post-Soviet Borderlands: Nostalgia, Resistance to Changes, Adaptation. A Case Study of Three Near-Border Villages, Kharkiv oblast, Ukraine, in Hurd M., ed. Border Crossings: Territory, Memory and History in North and East Europe. Eslöv: Gondolin, 2006. Pp. 57-87; Zhurzhenko, T. Identity in the Ukrainian-Russian Borderlands, in Bacas J.L. and Kavanagh W., eds., *Asymmetry and Proximity in Border Encounters*. Oxford: Berghahn, 2013. Pp. 193-214.

Dolbilov, A. Miller. Moscow: NLO, 2006.]

¹⁰ Рябчук М. Две Украины // Независимая газета. № 45 (216). 6 марта 1992. [Rjabchuk M. Dve Ukrainy (Two Ukraines) // *Nezavisimaja gazeta*, No 45 (216). March 6, 1992.]

¹¹ Алексеев В.Г. Бегом от Европы? – Харьков: Факт, 2008. [Alekseev V.G. Begom ot Evropy? (Running from Europe?). Kharkiv: Fakt, 2008.]

¹² Однако большинство жителей Востока ранее всегда выступало за придание русскому языку

они опирались: в Донбассе большинство избирателей голосовало сначала за компартию, затем за Партию регионов. Политическая поляризация консервировала мифы и стереотипы, усиливая культурную изоляцию Востока и Запада. По данным луганских социологов, в 2007 году 54% жителей Луганска никогда не были в западной части страны, и в то же время 65% львовян не бывали в Донбассе¹⁴.

События 2014 г. глубоко трансформировали общественное мнение на Украине. С одной стороны, они вызвали де-факто сецессию части территорий Донецкой и Луганской области, а с другой – сильно способствовали консолидации украинской политической нации. Национализм – одна из главных форм территориальной идеологии и основа государственного строительства. Он всегда предполагает борьбу за территорию или защиту прав на нее. Общественные представления о «коренном населении» и его культуре, безопасности государства, предполагаемых или реальных внешних угрозах, исторические мифы и стереотипы определяют отношение людей к конкретной границе¹⁵.

Морфология и градиенты российско-украинского пограничья

Нынешняя граница между Россией и Украиной на большей части своего протяжения очень «молода» и в своем нынешнем виде возникла только в XX веке. В результате длительного развития в рамках одного государства приграничные регионы России и Украины до сих пор характеризуются смешанным этническим составом населения.

¹⁴ Скоркин К. Элиты и контрэлиты Донбасса. Как сформировалось руководство ДНР-ЛНР / Московский центр Карнеги 19.01.2018. Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/75294> [Skorkin, K. Elity i kontrelity Donbassa. Kak sformirovalos' rukovodstvo DNR-LNR (Elites and Counter-Elites of Donbass. How the Leadership of the DNR and the LNR Was Formed) // *Moskovskij centr Karnegi*, 19.01.2018. Mode of access: <http://carnegie.ru/commentary/75294>]

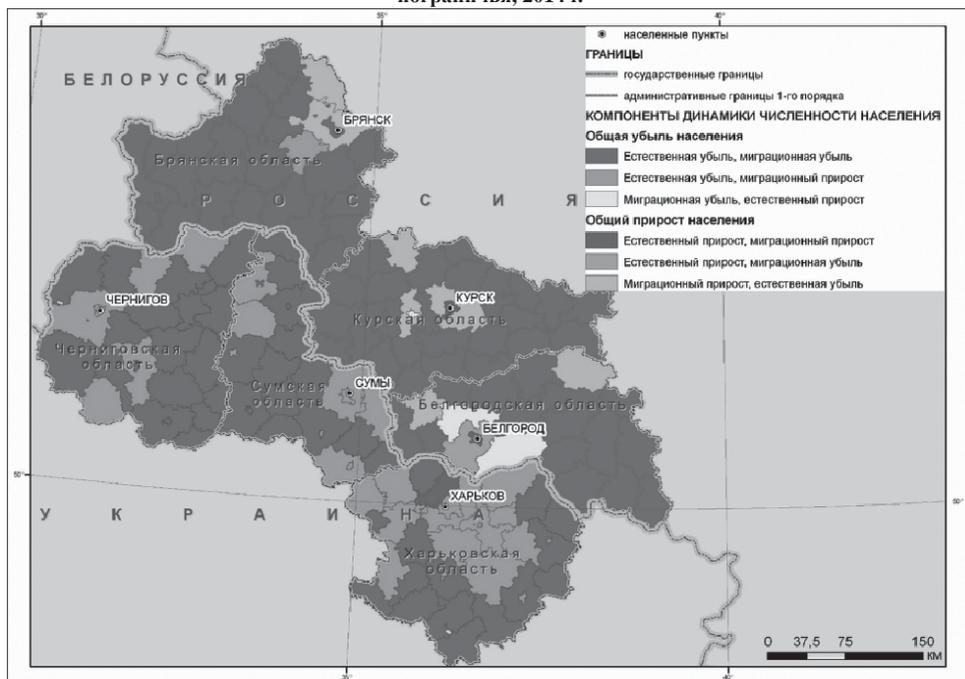
¹⁵ Paasi, A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. New York: John Wiley, 1996.

Границы между русскими и украинцами здесь весьма размыты. Сложился целый спектр региональных форм идентичности населения. Внутригосударственные различия в идентичности жителей на Украине были значительно сильнее межгосударственных в ее восточном и северном пограничье. Хотя в целом, по данным переписей населения, во всех приграничных регионах преобладает титульный этнос, доля русского населения в приграничных украинском областях больше, чем украинского – в российских. Так, доля тех, кто назвал себя украинцем в регионах российского пограничья не превышает 3% (максимум приходится на Белгородскую, Воронежскую и Ростовскую области). В украинской части пограничья наибольшая доля русских – в Донецкой, Луганской и Харьковской областях (25-40%), а в Крыму накануне присоединения к России они преобладали (58%). В северо-западной части пограничья этническая контрастность границы выражена значительно сильнее, чем в юго-восточной. Доля украинцев на границе падает более значительно, чем русских, однако существенная часть жителей российских приграничных территорий имеет украинские корни.

В связи с активными миграционными процессами, но особенно благодаря изменениям идентичности доля титульных народов в населении приграничных регионов постоянно увеличивается. Исследования показывают, что в пограничье все чаще в это понятие вкладывается национально-гражданский смысл. Иными словами, люди считают себя русскими, потому что родились и выросли в России», а украинцами, потому что являются гражданами Украины. На сегодняшний день в Украине под влиянием украинизации образования и административной сферы самоидентификация части жителей приграничья, особенно происходящих из смешанных браков, изменилась с русской на украинскую.

Сложность этнокультурной ситуации в российско-украинском пограничье обусловлена и неравномерностью освоения территории русскими и украинцами. Среди городского населения Юго-Восточной Украины, составлявшего абсолютное большинство жителей, русский язык всегда преобладал,

**Компоненты изменения численности населения
в регионах российско-украинского
пограничья, 2014 г.**

Picture 1. Components of population change in the regions of the Russian-Ukrainian borderlands, 2014

а в населении многих промышленных городов, получивших развитие в советские годы, особенно в Донбассе, большую часть составляли русские. С российской стороны, несмотря на процессы ассимиляции украинцев, ускорившиеся после ликвидации в 1938 г. сталинским режимом украинских национальных районов, оно сохранило самобытность благодаря особенностям регионального самосознания, говора (суржик) и материальной культуры.

В последние годы на российско-украинской границе отчетливо проявляется фундаментальный природный, социально-экономический и исторический градиент «северо-запад – юго-восток», определяющий дифференциацию пограничья¹⁶. Естественным следствием уста-

новления государственной границы между бывшими советскими республиками стала асинхронность общественных процессов на единой в прошлом территории, проявляющаяся и на межгосударственном, и на региональном уровне. Поэтому различия, существовавшие между соседними территориями в советский период, подверглись значительной трансформации и углубились.

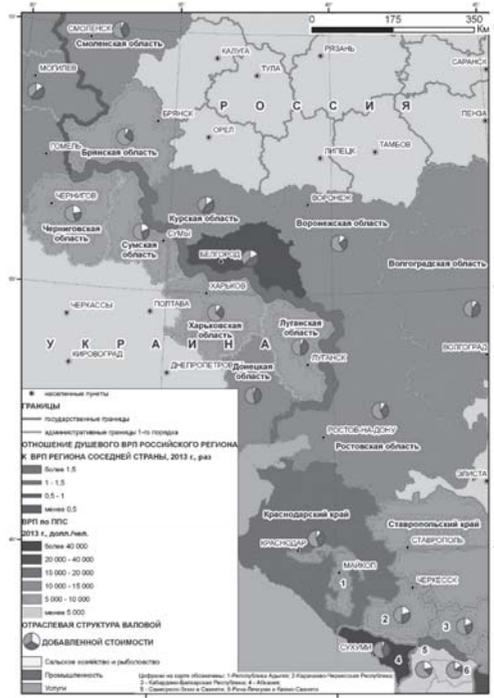
Территория приграничных регионов России существенно больше, чем прилегающих украинских, но по численности населения они сопоставимы: с украинской стороны в приграничных областях на начало 2017 г. проживало 12,3 млн человек, с российской – 12,8 млн. Общий фон социальных и экономических процессов в российско-украинском пограничье – демографический кризис. В то же время в украинском приграничье демографические показатели в целом хуже, чем в российском, особенно в Черниговской области, в которой

¹⁶ Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. Под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. – М.: Новый хронограф. 2011. [Rossijsko-ukrainskoe pogranch'e: dvadcat' let razdelenogo edinstva (Russian-Ukrainian Borderlands: Twenty Years of Divided

Unity). Ed. by V.A. Kolosov and O.I. Vendina. Moscow: Novyj hronograf. 2011.]

Рис. 2

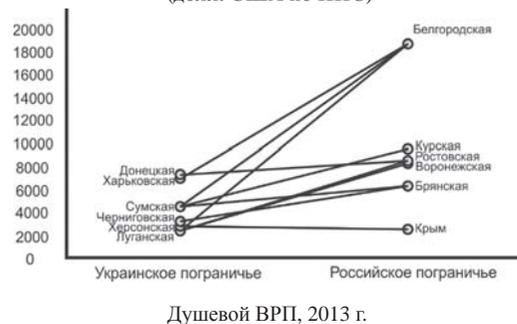
**ВРП на душу населения
в регионах российско-украинского
пограничья, 2013 г.**

Picture 2. GRP per capita in the regions of the Russian-Ukrainian borderland, 2013.

Рис. 3.

**Соотношение основных
социально-экономических показателей
между регионами российско-украинского
пограничья
(долл. США по ППС)**

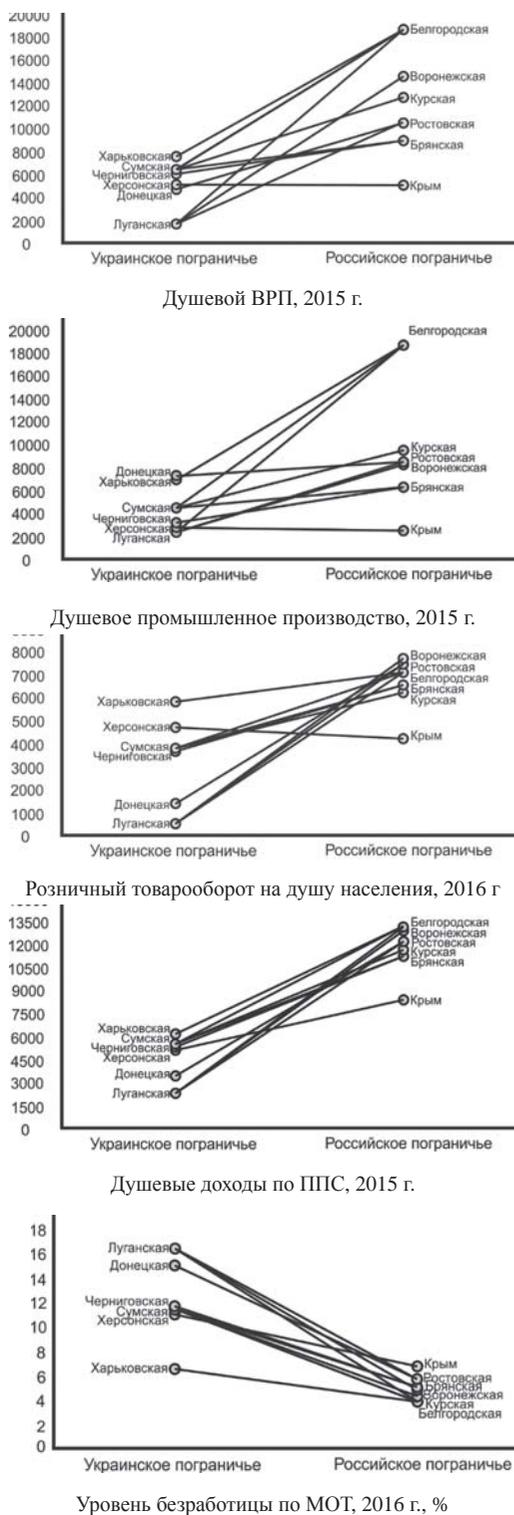
Душевой ВРП, 2013 г.

превышение смертности над рождаемостью на 1000 жителей исчислялось в 2014 г. двузначной цифрой (-10,2). На демографическую ситуацию в пограничной зоне в равной степени влияют низкая рождаемость и высокая смертность (См. Рис. 1). Первый фактор имеет большее значение в юго-восточной, более урбанизированной части пограничья, второй – в западной, более сельской.

Разрыв между Россией и Украиной в социально-экономических показателях на всех участках пограничья существенно углубился (См. Рис 2, 3). Если в 2013 г. пограничные области имели сопоставимые показатели душевого ВРП – в российских регионах он составил около 130 млрд долларов, в украинских – порядка 100 млрд, то в 2015 г. разница между ними в среднем выросла в 1,5–2,5 раза. Во многом это связано с обвалом экономики Донецкой и Луганской областей¹⁷. По официальным данным, ВРП Донецкой области в 2015 г. по сравнению с 2013 г. уменьшился в 2,2 раза, Луганской – в 3,6 раза.

Наиболее резкие контрасты в 2016 г. были характерны для участков российско-украинской границы между Белгородской и Харьковской, Ростовской и Донецкой областями. По уровню душевого ВРП, доходам и уровню безработицы превосходство российских областей достигает уже 2,5 раз (См. Рис. 3). Наименьшие градиенты остались на севере пограничья, где не отличающиеся динамичным развитием Брянская и Курская области граничат с Черниговской и Сумской. Невелики различия и на новом участке российско-украинского пограничья между Республикой Крым и Херсонской областью. Хотя темпы роста ВРП Крыма после присоединения к России возросли, экономика республики пока не восстановилась до уровня 2013 г.

¹⁷ Точно оценить масштабы сокращения численности населения и падения производства на территории ЛНР и ДНР практически невозможно: информация Национальной службы статистики Украины приводится без выделения данных по ДНР и ЛНР, а в самих непризнанных республиках официальные статистические данные не публикуются.

Источник: (Регионы России, 2017; Статистичний збірник, 2017)

По объемам промышленного производства в 2013 г. многие украинские пограничные регионы относились к наиболее развитым в своей стране, превосходя российские. Донецкая область в Украине была ярко выраженным промышленным лидером. По данным на 2012 г., в ней было произведено 17,3% промышленной продукции страны (См. Таб. 1). Суммарно на приграничные с Россией регионы в 2013 г. приходилось порядка 32% промышленной продукции Украины. Промышленное производство в Донецкой области уменьшилось за 2013-2016 гг. вдвое, в Луганской – в 4,2 раза. Доля всего пограничья в промышленном производстве Украины сократилась к 2016 г. до 23,7%. Среди российских приграничных регионов по объему промышленного производства лидирует Ростовская область, но ее доля в общероссийском показателе в 2016 г. составляла лишь 1,5%. За ней следуют Белгородская, Воронежская и Курская области, однако их суммарная доля в промышленном производстве России невелика – в 2016 г. лишь 4,3%.

Если российские приграничные регионы уступают украинским по роли в промышленности своей страны, то по производству сельскохозяйственной продукции некоторые из них занимают в России уникальное место. Ростовская, Белгородская и Воронежская области в 2015 г. по общему объему сельскохозяйственной продукции находились соответственно на втором, третьем и пятом местах в стране. Общий валовой сбор зерна в российском пограничье, в которое входят основные зернопроизводящие регионы страны, более чем вдвое превысил аналогичный показатель по пяти украинским регионам. На украинские приграничные области приходилось около четверти сельскохозяйственного производства страны; наибольшим его объемом отличалась Харьковская область.

Picture 3. The ratio of basic socio-economic indicators between the regions of the Russian-Ukrainian borderland

Таблица 1

Основные экономические показатели приграничных областей России и Украины*

Страна, регион	Валовой региональный продукт по ППС				Промышленное производство по ППС			
	2013	2013	2015	2015	2013	2015	2013	2015
	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране	млн долл.	в % от средней по стране
Россия	2 785 799	100	2 709 904	100	2 130 294	100	2 046 742	100
Брянская обл.	11 302	0,4	11 254	0,4	6 640	0,3	7 437	0,4
Курская обл.	13 982	0,5	13 980	0,5	11 073	0,5	10 270	0,5
Белгородская обл.	29 299	1,1	28 616	1,1	27 257	1,3	27 215	1,3
Воронежская обл.	31 498	1,1	34 319	1,3	16 589	0,8	18 698	0,9
Ростовская обл.	47 252	1,7	48 855	1,8	32 192	1,5	31 226	1,5
Республика Крым	...	...	10 351	0,4	...	...	3 418	0,2
Украина	408 000	100	373 392		362 843	100	298 369	100
Черниговская обл.	6 494	1,6	6 625	1,8	5 029	1,4	4 728	1,6
Сумская обл.	7 172	1,8	7 152	1,9	6 426	1,8	6 293	2,1
Харьковская обл.	22 860	5,6	22 728	6,1	20 981	5,8	19 201	6,4
Луганская обл.	14 766	3,6	7 387	2,0	19 469	5,4	3 925	1,3
Донецкая обл.	44 192	10,8	28 231	7,6	59 121	16,3	29 866	10,0
Херсонская обл.	5 565	1,4	5 471	1,5	2 916	0,8	2 924	1,0

Table 1. The main economic indicators of the border regions of Russia and Ukraine
 Источник: (Регионы России, 2017; Статистичний збірник, 2017)

* Показатели по Украине за 2015 г. включают данные по предприятиям, которые представляют сводные отчеты (без деления по регионам).

По сопоставимым социальным показателям впереди, как правило, российские регионы. Среднемесячная номинальная начисленная зарплата по ППС в 2016 г. была в среднем по России почти в 1,5 раза выше, чем в Украине (соответственно, 931 и 696 долларов). Однако, во всех российских регионах вдоль границы с Украиной ее уровень не достигал и $\frac{3}{4}$ среднего по стране (в Белгородской области – 74,8%). Украинские пограничные области, наоборот, относятся в своей стране к регионам с относительно высокой заработной платой (кроме Херсонской и Черниговской областей), что несколько смягчает градиент в уровне оплаты труда между двумя странами (См. Таб. 2). Более низкий уровень материальной обеспеченности населения украинских областей влияет и на более низкий по сравнению с российскими приграничными областями розничный товарооборот и меньшие объемы платных услуг населению. Уровень безработицы, исчисленный по методике МОТ, заметно выше

в украинском приграничье. В 2016 г. наибольшим из пограничных регионов он был в Луганской и Донецкой областях. Максимальные показатели в российском приграничье в 2016 г. были зафиксированы в Республике Крым (7,2%) и Ростовской области (6,1%). В остальных областях уровень безработицы был ниже среднего по своим странам.

Таблица 2

Основные социальные показатели приграничных областей России и Украины в 2015 г.¹⁸

Страна, регион	Средняя номинальная начисленная заработная плата		Розничная торговля на душу населения, руб	Безработица по МОТ, %
	долл.	в % от средней по стране		
Россия	1342	100	7416	5,6

¹⁸ Национальная служба статистики Украины приводит за 2015 г. данные без учета части «зоны проведения антитеррористической операции».

Страна, регион	Средняя номинальная начисленная заработная плата		Розничная торговля на душу населения, руб	Безработица по МОТ, %
	долл.	в % от средней по стране		
Брянская обл.	855	63,7	6981	4,6
Курская обл.	943	70,3	6337	4,2
Белгородская обл.	1004	74,8	7022	4,1
Воронежская обл.	982	73,2	7839	4,5
Ростовская обл.	986	73,5	7673	6,1
Республика Крым	885	65,9	4452	7,2
Украина	798	100	4319	9,1
Черниговская обл.	627	78,5	3869	10,7
Сумская обл.	656	82,2	3839	10,1
Харьковская обл.	703	88,1	5840	7,1
Луганская обл.	947	81,7	732	15,6
Донецкая обл.	652	118,7	1524	13,8
Херсонская обл.	594	74,4	4698	10,2

Table 2. The main social indicators of the border regions of Russia and Ukraine in 2015
 Источник: (Регионы России, 2017; Статистичний збірник, 2017)

Политический кризис в отношениях сильно повлиял на динамику взаимного товарооборота между. За 2013-2016 гг. *внешнеторговый оборот* между Россией и Украиной сократился более чем в 4 раза. В 2016 г. доля Украины во внешней торговле с Россией составила всего 2,2% (в 2013 г. – 5,0%). Импорт уменьшился более существенно (в 4 раза), чем экспорт (в 3,8 раза). Это связано в том числе со взаимными продовольственными санкциями – запретами на ввоз из соседней страны многих видов сельскохозяйственной продукции, сырья и продовольствия (в частности, молока и молочных изделий, мяса и мясной продукции, соков и детского питания, а также ряда кондитерских изделий, алкоголя).

Товарная структура российского импорта из Украины в 2016 г. была представлена главным образом оксидом алюминия (8%), турбореактивными двигателями (7%) и электроэнергией (5%), товарная структура экспорта в Украину – нефтью и нефтепродуктами (15%), аммиаком (13%) и каменным углем (9%)¹⁹. Доля Украины в россий-

ской внешней торговле за период с 2013 по 2016 гг. уменьшилась с 4,7 (5-е место) до 2,8% (13-е место)²⁰.

Хотя физические объемы внешней торговли всех российских приграничных регионов с Украиной сократились в 2016 г. на 50-70% по сравнению с докризисным 2013 г., она остается важным торговым партнером всех российских приграничных регионов (См. Таб. 3). В абсолютном выражении товарооборот с Украиной наиболее значителен в Белгородской области (в 2016 г. – 1038 млн долларов). Украина – ведущий внешне-торговый партнер Курской области (17,2% оборота) и занимает третье место во внешнеторговом обороте Ростовской и Брянской областей.

В конце 2016 г. во всех приграничных областях начался бурный *компенсационный рост торговли* между Россией и Украиной, продолжившийся в 2017 гг. (за январь-октябрь 2017 г. – на 23% в годовом выражении). Особенно сильно он проявился в Ростовской области, экспорт которой на Украину вырос в 2016 г. на 45% по сравнению с предыдущим годом и достиг исторического максимума²¹.

2016 г. / Федеральная таможенная служба. Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976&limitstart=50 [Vneshnjaja trgovlja Rossijskoj Federacii po osnovnym stranam za janvar'-dekabr' 2016 (Foreign Trade of the Russian Federation by Major Countries for January-December 2016 / Federal Customs Service). Mode of access: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976&limitstart=50]

²⁰ Анализ взаимной торговли России и Украины за 2015 год / Экспортеры России, 21.09.2016. Режим доступа: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4770/> [Analiz vzaimnoj trgovli Rossii i Ukrainy za 2015 god 21.09.2016 (Analysis of the Mutual Trade of Russia and Ukraine for 2015, 21.09.2016). Mode of access: <http://www.rusexporter.ru/research/country/detail/4770/>]

²¹ Экспорт товаров из Ростовской области в Украину достиг исторического максимума. Политика не помешала торговле // DonNews, 17.06.2017. Режим доступа: http://www.donnews.ru/Eksport-tovarov-iz-Rostovskoy-oblasti-v-Ukrainu-dostig-istoricheskogo-maksimuma_29987 [Eksport tovarov iz Rostovskoy oblasti v Ukrainu dostig istoricheskogo

Таблица 3

Внешнеторговые связи приграничных российских регионов

Страны и регионы	Внешнеторговый оборот, млн долл.	Внешнеторговый оборот с Украиной, млн долл.	Доля Украины, %	Внешнеторговый оборот, млн долл.	Внешнеторговый оборот с Украиной, млн долл.	Доля Украины, %	Динамика внешнеторгового оборота с Украиной, (2016 г. к 2013 г.), %
	2013			2016			
Россия	842233,4	39603,5	5	467752,8	10231	2,2	26
Брянская обл.	1594,7	203,7	13	794,3	75,8	10	37
Курская обл.	1359,3	436,2	32	888,4	152,6	17	35
Белгородская обл.	7352,7	3998	54	3584,2	1037,7	29	26
Воронежская обл.	2740,8	697	25	1965,6	300,7	15	43
Ростовская обл.	9995,0	1999	20	7710,0	1025,4	13	51

Table 3. Foreign trade relations of Russian border regions
 Источник: (Регионы России, 2017; Статистичний збірник, 2017)

В этом, безусловно, сказалось соседство области с ДНР и ЛНР, торговля с которыми отдельно не учитывается.

Современные приграничные взаимодействия между регионами российско-украинского пограничья

События 2014–2015 гг. и охлаждение взаимоотношений Киева и Москвы привели к усилению барьерной функции границы и как следствие снижению интенсивности приграничных контактов и сокращению потока населения через границу. Для посещения Украины российским гражданам необходимо прохождение биометрического контроля (с 1 января 2018 г.), наличие биометрического международного паспорта, приглашения²² и заполненной не менее чем за 30 дней в режиме онлайн

на английском или украинском языке анкеты (с 1 марта 2015 г.), в то время как украинские граждане могут посещать Россию по внутреннему паспорту.

В результате усложнения процедуры прохождения таможенного и пограничного контроля украинской стороной число пересечений российско-украинской границы физическими лицами через автомобильные (АПП) и железнодорожные пропускные пункты (ЖДПП) в 2015 г. по сравнению с 2013 г. снизилось почти вдвое (См. Рис. 4).

Максимальное сокращение потока за 2014 г. произошло в Брянской и Белгородской области на наиболее загруженных пропускных пунктах: АПП «Троебортное≈Бачевск» на трассе М-3 Москва – Киев (на 60%) и «Гоптовка–Нехотеевка» на транзитной трассе М-2 «Крым» (на 30%), а также ЖДПП «Долбино – Казачья Лопань» на железнодорожной ветке Москва-Харьков-Симферополь (на 85%), через которые в 2013 г. проходило более 60% автомобильного и 80% железнодорожного пассажиропотока на данном отрезке границы.

На российско-украинской границе из 62 установленных пропускных пунктов (ПП) на конец 2016 г. де-факто действующими оказалось только 11 международных ав-

maksimuma. Politika ne pomeshala trgovle (The Export of Goods from the Rostov Region to Ukraine Reached a Historic High. Politics Did not Prevent Trade) // DonNews, 17.06.2017, Mode of access: http://www.donnews.ru/Ekспорт-tovarov-iz-Rostovskoy-oblasti-v-Ukrainu-dostig-istoricheskogo-maksimuma_29987

²² Стоимость такого приглашения («бизнес» по их изготовлению на территории Украины и доставке в РФ уже налажен) составляет приблизительно 500–650 рублей.

Динамика пересечений российско-украинской границы физическими лицами через автомобильные и железнодорожные пункты пропуска в 2010–2014 гг., тыс.

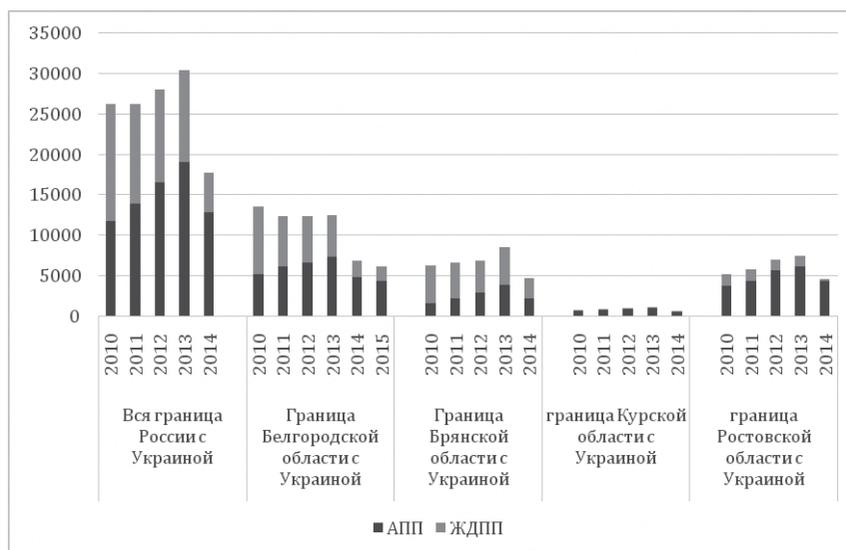

Рис. 4. Dynamics of crossings of the Russian-Ukrainian border by individuals through road and rail checkpoints in 2010-2014

Источник: Официальный сайт Федерального Агентства по обустройству государственной границы Российской Федерации. Режим доступа: www.rosgranitsa.ru

томобильных и 2 железнодорожных, через которые осуществлялось движение поездов. Юридически существуют также 7 двусторонних АПП, однако движение российских граждан через них фактически невозможно, так как они не подключены к компьютерной базе для проверки нотариально заверенных приглашений, необходимых для пересечения украинской границы. Через них могут проходить только граждане Украины, поэтому вследствие низкой загруженности (40-60 чел. в сутки) ДАПП были переведены на временный режим работы. Также не могут учитываться международные воздушные пункты пропуска, формально существующие в аэропортах региональных центров приграничных регионов (Белгород, Курск, Брянск, Воронеж, Ростов-на-Дону), но не используемые для пересечения российско-украинской границы в связи с тем, что прямое авиасообщение с Украиной было полностью отменено в конце 2015 г. Из нескольких десятков поездов дальнего следования, следовавших в 2013 г. из России на Украину, на начало 2017 г. осталось

лишь 8 (из Москвы в Харьков (с прицепными вагонами на Полтаву и Сумы), Кривой рог, Киев, Кишинев, Львов, Одессу, Николаев и Хмельницкий).

В то же время, между соседними городами приграничных областей сохранилось регулярное автобусное сообщение. В связи с этим перевозки пассажирским автотранспортом в 2015 г. практически не сократились по сравнению с 2014 г. Это связано также и с появлением частных перевозчиков – украинских граждан на маршрутках с украинскими номерными знаками, осуществляющих полулегальную перевозку пассажиров. Широкое распространение получили нерегулярные рейсы до российских пропускных пунктов Нехотеевка, Грайворон и Шебекино. Частные маршрутные такси, как правило, не пересекают границу и довозят пассажиров только до пункта пропуска, где люди пересекают границу пешком, по другую сторону их уже ждет другое такси. Этой услугой пользуются преимущественно граждане Украины.

Рассмотрим более детально состояние приграничных взаимодействий и механизмы адаптации хозяйства и социальной сферы в кризисный период на пяти ключевых участках пограничья, соответствующих его природно-морфологическим различиям и характеру освоения: 1) Брянская – Черниговская области; 2) Курская – Сумская области; 3) Белгородская – Харьковская области; 4) Воронежская и Ростовская области – непризнанные ЛНР и ДНР; 5) новый участок российско-украинского пограничья Республика Крым – Херсонская область.

1. Уникальность пограничья **Брянской (РФ), Черниговской (Украина) и Гомельской (Беларусь) областей** – соприкосновение трех стран. Это наиболее «глухой» и безлюдный участок пограничья. На сотрудничестве между тремя странами сильно сказывалась асимметрия и нестабильность межгосударственных отношений. Состояние хозяйства соседних регионов определяется их принадлежностью к разным государственным экономическим пространствам. Черниговская область стала одним из слаборазвитых и депрессивных регионов Украины. Включение ее северных районов, в том числе у белорусской границы поблизости от Гомеля, в число территорий приоритетного развития с инвестиционными льготами не дало ощутимых результатов. Брянская область также принадлежит к депрессивным и дотационным регионам, по уровню жизни – одна из худших в Центральном федеральном округе. Уровень зарплат здесь один из самых низких в России, велика безработица. Объем инвестиций, привлеченных в регион, скромнен.

Экономические отношения областей на этом участке пограничья не отличались особой интенсивностью еще в советское время. Эти регионы практически не имели кооперационных связей и в основном обменивались готовой продукцией промышленного и сельскохозяйственного назначения. После появления границ и таможенного регулирования некоторые крупные предприятия так и не смогли приспособиться к новым условиям хозяйствования: одни прекратили существование, другие превратились в конкурентов как на внутренних, так и внешних рынках.

Несмотря на слабость экономических взаимодействий, соседние области трех стран явились инициаторами многих гуманитарных инициатив в сфере приграничного сотрудничества. Проведение совместных мероприятий разного масштаба и контакты в сфере культуры стали одним из основных видов приграничных связей на этом участке. За более чем 25-летнюю историю взаимодействия между приграничными областями и районами России, Белоруссии и Украины было заключено свыше 30 двусторонних и многосторонних соглашений, создавших нормативно-правовые основы сотрудничества в разных сферах.

В Брянской области заключены соглашения с 22 регионами Украины, включая трехсторонние, которые формально действуют, но фактически перестали выполняться. Отношения с Брянской областью разорвала только Сумская область. С 2014 г. украинские представители не участвуют в мероприятиях на российской стороне. Остановлена работа еврорегиона «Днепр». Число совместных трехсторонних культурных мероприятий сократилось с 30 в 2015 г. до 22 в 2016. В 2016 г. по инициативе украинской стороны разорваны также побратимские связи между Черниговом и Брянском.

В то же время неформальные и личные связи с украинской стороной в целом сохранились, особенно между приграничными селами и районами. Продолжают проводиться совместные семинары, традиционные встречи писателей, художников, деятелей культуры, на которые украинские представители приезжают как частные лица. Остаются и повседневные контакты. Украинцы часто торгуют на рынках Брянской области молоком, сигаретами и салом, заезжая со стороны Белоруссии.

2. На **Курско-Сумском** участке граница преимущественно проходит по отдаленной от городских центров сельской местности. Демографическая ситуация крайне неблагоприятна с обеих сторон. Коммуникации между регионами довольно слабые. Автомобильные дороги на российской стороне модернизированы, в то время как большинство участков на украинской стороне по-прежнему требуют реконструкции.

Прямые экономические связи и торговля между районными центрами Сумской области (Ахтырка, Глухов, Конотоп, Путивль, Шостка) и ближайшими городами России (Льгов, Суджа, Коренево, Рыльск) отсутствовали на протяжении всего постсоветского периода. Приграничная кооперация не сложилась ни в производственной сфере, ни в малом и среднем бизнесе. Сумские предприятия в связи с их специализацией, если и работали на российский рынок, то исключительно на дальний. Хозяйственный комплекс Сумской области был ориентирован в большей степени на Киев и Харьков, а Курской – на Москву. Поэтому каких-либо кардинальных изменений за последние годы в экономических отношениях двух регионов не произошло.

После кризиса 2014 г. контакты официальных лиц Сумской области с российскими соседями практически прекратились. Украинские представители перестали принимать участие в совместных мероприятиях, в том числе в Курской Коренской ярмарке, на которой до 2014 г. ежегодно насчитывалось до 300 украинских участников. Прекратилась деятельность еврорегиона «Ярославна». Крестный ход с Пряжевской иконой Божьей Матери в Мирополье с 2015 г. перестал проходить по территории Украины.

3. Наибольшей активностью приграничных контактов в постсоветский период характеризовался **Белгородско-Харьковский участок пограничья**, отличавшийся уникальным сорасположением областных центров. До середины 2000-х гг. и в начале текущего десятилетия развитие приграничного сотрудничества было одним из приоритетов местного руководства на всех уровнях²³.

²³ Колосов В.А., Криндач А.Д. Российско-украинское пограничье (южная часть): идентичность и современная ситуация / Приграничные районы и приграничное сотрудничество. Под ред. Л.Б. Вардомского. – М.: ИМЭПИ РАН. 2000. – С. 95-121. [Kolosov, V.A.; Krindach, A.D. Rossijsko-ukrainskoe pogranich'e (juzhnaja chast'): identichnost' i sovremennaja situacija (Russian-Ukrainian Borderlands (Southern Part): Identity and the Current Situation) / Prigranichniye rajony i prigranichnoe sotrudnichestvo. Ed. by L.B. Vardomsogo. Moscow: IMEPI RAN, 2000. Pp. 95-121.]; Колосов В.А., Кирю-

После событий 2014 г. совместные мероприятия здесь, как и на других участках, были заморожены, хотя соглашения о сотрудничестве официально не расторгались. Только в 2016 г. некоторые районы украинского пограничья стали выступать за расторжение соглашений побратимских связей на местном уровне. До последнего времени продолжался лишь мониторинг состояния реки Северский Донец в рамках международных обязательств (проект TACIS «Управление трансграничным речным бассейном реки Северский Донец»)²⁴.

Вплоть до кризиса 2014 г. трансграничные экономические связи Белгородской области с соседними украинскими областями также были весьма тесными. Экономика восточных областей Украины была интегрирована с российским промышленным комплексом. В советское время сложились производственные цепочки между предприятиями по обе стороны границы. Между многими крупными предприятиями Харькова («Турбоатом», «Завод имени Малышева», «Хартрон» и др.) были налажены научно-техническое сотрудничество и кооперационные производственные связи с партнерами в России и странах СНГ²⁵. Разрыв этих связей

хин А.М. Приграничное сотрудничество в российско-украинских отношениях // *Politia*. – 2001. – №1. – С. 141-165. [Kolosov, V.A.; Kirjuhin, A.M. Prigranichnoe sotrudnichestvo v rossijsko-ukrainskih otnoshenijah (Cross-Border Cooperation in Russian-Ukrainian Relations) // *Politia*, 2001, No. 1, pp. 141-165.]

²⁴ Кирюхин А.М. Развитие приграничного сотрудничества между Украиной и Российской Федерацией в контексте европейской интеграции // *Евразийская экономическая интеграция*. – 2012. – № 4 (17). – С. 121-128. [Kirjuhin, A.M. Razvitie prigranichnogo sotrudnichestva mezhdru Ukrainoj i Rossijskoj Federacijej v kontekste evropejskoj integracii (Development of Cross-Border Cooperation between Ukraine and the Russian Federation in the Context of European Integration) // *Evrzjiskaja jekonomicheskaja integracija*, 2012, No. 4 (17), pp. 121-128.]

²⁵ Голиков А.П., Черномаз П.А. Украинско-российский еврорегион «Слобожанщина» как форма межрегиональной интеграции // *Евразийская экономическая интеграция*. – 2014. – №2. – С. 85-98. [Golikov, A.P.; Chernomaz, P.A. Ukrainsko-rossijskij evroregion «Slobozhanshhina»

был одним из главных факторов резкого падения производства на этих заводах.

Однако, несмотря на препоны и напряженные отношения между двумя странами, некоторые предприятия продолжают до сих пор сотрудничать с российской стороной. Харьковский машиностроительный завод «ФЭД» поставляет в Россию рулевые приводы, объединение «Коммунар» – устройства терморегулирования остекления кабины пилотов и другое оборудование, Агрегатное конструкторское бюро – гидравлические агрегаты для вертолетов «Ансат» и Ми-38. Вагоноремонтные предприятия и депо Белгородской области пока еще получают украинские комплектующие.

Важным аспектом сегодняшнего трансграничного экономического взаимодействия стал начавшийся после событий 2014 г. переход бизнеса, преимущественно малого и среднего, из приграничных регионов Украины (Харьковской, Луганской, Донецкой области) в Россию (преимущественно в Белгородскую область). Он представлен главным образом производством офисной мебели, пищевых продуктов (кондитерская продукция), строительными и ювелирными предприятиями, некоторыми отраслями сектора услуг. Действуют и несколько крупных предприятий, возникших благодаря инвестициям из Харьковской области – «БелЮжкабель», «Пластилюкс-Групп» и «Экотон» в Белгороде, Оскольский подшипниковый завод «ХАРП» в Старом Осколе²⁶.

как forma mezhregional'noj integracii (Ukrainian-Russian Euroregion «Slobozhanschina» as a Form of Inter-Regional Integration) // Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija, 2014, No. 2, Pp. 85-98.]

²⁶ Заяц Д.В., Зотова М.В., Туров Н.Л., Ключников М.И. Кризис российско-украинских отношений: последствия для трансграничных взаимодействий в Белгородской области // Известия. Серия географическая. – 2017. № 5. – С. 43-57. [Zayats, D.V.; Zotova, M.V.; Turov, N.L.; Ključnikov, M.I. Krizis rossijsko-ukrainskih otnoshenij: posledstviya dlja transgranichnyh vzaimodejstvij v Belgorodskoj oblasti (The Crisis of Russian-Ukrainian Relations: Implications for Cross-Border Interactions in the Belgorod Region) // *Izvestija. Serija geograficheskaja*, 2017, No. 5, pp. 43-57.]

Эти тенденции вызваны стремлением украинских предпринимателей сохранить российский рынок. Кроме того, Россия может стать зоной диверсификации рисков для украинского бизнеса, сыграть роль «тихой гавани», где украинский капитал не будет столь сильно зависеть от политической ситуации, как на Украине. Эти предприятия в будущем могут способствовать возобновлению полномасштабного трансграничного экономического сотрудничества.

Тесные взаимосвязи, сложившиеся между жителями Харьковской и Белгородской областей, также претерпели значительную трансформацию. До недавнего времени Харьков выполнял для Белгородчины функцию культурного центра. После начала кризиса поток белгородских туристов полностью сошел на нет. Интенсивность неформальных контактов заметно снизилась. С 2014 г., по оценкам местных экспертов, около 80% пересекающих границу составляют граждане Украины, которые едут в Россию на заработки, к родственникам, а также за более дешевым бензином. Привлекательность области для украинских трудовых мигрантов обусловлена приграничным положением и стабильной экономической ситуацией. Число официально зарегистрированных мигрантов из Украины увеличилось в Белгородской области за 2010-2015 г. с 1,2 тыс. чел. до 5,9 тыс. (число нелегальных трудовых мигрантов, по данным местной администрации, в 4 раза выше).

4. Юго-западный участок российско-украинской границы проходит по некогда единому Донецкому угольному бассейну. Многие предприятия, расположенные в приграничье, имели хозяйственные и кооперационные связи. Население поддерживало тесные родственные и дружеские отношения. Изменение геополитической обстановки обернулось амбивалентными последствиями для локальных агентов трансграничных взаимодействий. Образование ДНР и ЛНР, военные действия вблизи российских границ и прием многочисленных беженцев в 2014 г. резко изменили характер соседства на этом участке. В отличие от других участков границы с Украиной здесь не были редуцированы социальные и экономические

взаимодействия, напротив, потоки товаров и людей после 2014 г. возросли. Благодаря особым отношениям России с ДНР и ЛНР местные пункты пропуска не были закрыты, и жители непризнанных республик могут пересекать российскую границу по внутренним паспортам. Чтобы реализовывать свою продукцию на российском рынке, отдельные предприятия ДНР и ЛНР, открыли филиалы и производственные площадки в Ростовской области. В ее приграничных городах и районах крупные торговые сети быстро построили новые супер- и гипермаркеты в расчете на потребителей из ДНР и ЛНР; оживилась торговля на оптовых базах Таганрога и Ростова-на-Дону. Многочисленные родственные, этнокультурные, исторические и хозяйственно-трудовые отношения по-прежнему способствуют восприятию соседей как «своих», а государственной границы как политического недоразумения.

Резко изменились конфигурация пассажирских сообщений и логистические схемы, используемые хозяйствующими агентами. Разрушение в ходе военных действий аэропорта в Донецке привело к заметному увеличению пассажирооборота ростовского аэропорта, достигшего трехмиллионной отметки. Отменены поезда, следовавшие через территорию Украины. В 2017 г. завершилось строительство обхода украинской территории на основном железнодорожном ходе Москва – Ростов (участок Миллерово – Журавка). Из существовавших прежде международных автобусных маршрутов сохранились в основном транзитные и те, что соединяют города Ростовской области с ДНР и ЛНР. Появились частные перевозчики, компенсировавшие сокращение транспортного сообщения между регионами. Автобусы, следующие в города остальной Украины, а также грузовые перевозчики вынуждены делать большой крюк по трассе М4 через Белгород и Харьков. Для доставки внешнеторговых грузов вместо украинских портов Николаева и Одессы используют перегруженные российские – Новороссийск, Порт-Кавказ, Ростов и др.

По мнению властей российского Донецка, расположенного на границе с ЛНР, соседство с беспокойными и дестабилизи-

рованными районами оказывает преимущественно негативное воздействие – дополнительные нагрузки на жилой фонд и транспортную инфраструктуру, милитаризация района и ухудшение инвестиционного климата. Для бизнеса ситуация оказалось не столь однозначной. Предприятия легкой промышленности, ставшие градообразующими после закрытия угольных шахт, почти не почувствовали изменений, поскольку работают в основном на российском рынке и не зависят от поставок сырья и компонентов из Украины. В то же время малый и средний бизнес – второе ключевое звено экономики города – отреагировал на появившийся в ЛНР спрос на товары и услуги. В городе открылись новые гостиницы и кафе, аптеки, банкоматы, несколько крупных сетевых магазинов, автозаправочные станции, сервисы по оформлению экспортно-импортных операций, и др. Чтобы реализовывать свою продукцию на российском рынке, отдельные предприятия ДНР и ЛНР, открыли филиалы и производственные площадки в Ростовской области. Из-за усиления контроля в приграничной полосе, дефицита украинских товаров в ЛНР и открытия магазинов беспошлинной торговли привлекательность занятия контрабандой на границе существенно снизилась.

5. Новый участок российско-украинского пограничья **между Крымом и Херсонской областью** заметно отличается от других участков самой высокой степенью барьерности и полным отсутствием какого-либо взаимодействия. Хотя Украина считает Крым «временно оккупированной территорией», многочисленные изменения в украинском законодательстве де-факто сделали новую границу межгосударственной.

Пересечение границы с Украиной через сухопутные пункты пропуска Перекоп – Чаплинка, Армянск – Каланчак, Джанкой – Чонгар возможно только по украинским паспортам и на автомобилях с украинскими номерами. Регулярное железнодорожное и автомобильное сообщение прекращено с конца декабря 2014 г. Связь с материковой Россией с начала 2015 г. осуществляется только через Керченскую переправу, в результате чего значительно увеличились

затраты времени и средств на транспортировку грузов и пассажиров. Конфигурация единой транспортной системы, соединяющей Украину и Россию, деформирована, изменен характер движения, нарушены прямые связи.

В то же время, по данным Крымской таможни, в 2016 г. через северный Крым границу пересекли почти 3 млн человек и более 522 тыс. легковых автомобилей. Основной целью остаются поездки к родственникам. По оценкам местных властей, в 2016 г. порядка 550 тыс. граждан Украины приехало в Крым также с туристическими целями. Кроме того, у многих украинцев в Крыму остался бизнес или недвижимость. Транспортный бизнес довольно быстро адаптировался к новым условиям. Широкое распространение получила следующая схема: рейс до российской границы осуществляется крымским перевозчиком, пассажиры пешком пересекают российскую и украинскую границы, затем рейс до ближайшей станции украинским перевозчиком.

Крымские промышленные предприятия испытывают трудности в связи с потерей традиционных рынков сбыта и нарушением производственных связей. В результате прекращения поставок из Украины сырья и комплектующих в первую очередь пострадали предприятия химической промышленности «Крымский Титан» и «Крымский содовый завод», расположенные в приграничных городах Армянск и Красноперекопск. Сырье на «Красный титан» ныне поступает из Индии, Шри-Ланки и по-прежнему из Украины, но через материковую Россию, что приводит к удорожанию продукции. Экономическая блокада полуострова и санкции негативно сказались также на работе машиностроительных предприятий, вызвав сокращение производства. Тем не менее, трудности с доставкой товара из России стимулировали местное сельскохозяйственное производство. Вместе с тем, сложности включения региона в общероссийское экономическое и политическое пространство выявили уникальную адаптивность населения, решавшего свои проблемы путем продления украинских паспортов, временной регистрации на территории Херсонской области, получения

пенсий как в России, так и на Украине, регистрации автомобилей одновременно в обеих странах и т.п.

Локальный малый и микро-бизнес в крымском пограничье пережил глубокий экономический шок, вызванный сменой норм хозяйственной деятельности, разрывом финансовых и товарно-сбытовых связей. Можно выделить несколько стратегий приспособления к новой реальности. Часть бизнеса, ориентированного на локальный рынок, выведена из тени и получила стимул к развитию. Это касается, во-первых, личных подсобных хозяйств (ЛПХ), часто имеющих товарный характер. Для них появление границы означало ослабление конкуренции с соседними регионами Украины и доминирование на собственном рынке. Во-вторых, местный рынок арендного жилья и гостиничных услуг переживает бум спроса со стороны растущих военных гарнизонов Джанкоя и Армянска. В-третьих, получила развитие сфера потребления и социальных услуг, ориентированная на платежеспособный спрос «нового» населения (военнослужащие и их семьи) и его более высокие запросы к качеству сервиса. Другая часть бизнеса стала ориентироваться на обслуживание границы, поддержание трансграничных транспортных контактов с помощью схем, обходящих украинскую блокаду, дорожный сервис и, наконец, обеспечение крымского населения привычными продуктами с Украины за счет мелких партий.

Заключение

Политический кризис в российско-украинских отношениях, начавшийся в 2014 г., серьезным образом трансформировал трансграничные взаимодействия, привел к усилению барьерных функций на всем протяжении российско-украинской границы и сокращению трансграничных потоков населения. Снизилась интенсивность приграничных взаимодействий по всем направлениям – институциональному, инфраструктурному, гуманитарному и экономическому. Несмотря на то, что двусторонние соглашения о приграничном сотрудничестве между всеми приграничными регионами юриди-

чески не расторгнуты, их действие фактически приостановлено, диалога между сторонами нет. Программы приграничного сотрудничества – результат многолетней деятельности по согласованию интересов двух стран в приграничной зоне – полностью свернуты. Трансграничные транспортные связи России и Украины ныне переживают период глубокого упадка. Их интенсивность и регулярность уменьшилась в несколько раз. Пассажирский поток через российско-украинскую границу сократился почти вдвое. За 2013-2016 гг. в 2-4 раза уменьшился и внешнеторговый оборот российских приграничных регионов с Украиной.

Тем не менее, трансграничные взаимодействия полностью не прекратились: сохраняются, хотя и в гораздо меньших масштабах, сотрудничество в сфере культуры, неформальные и родственные контакты, усилились трудовые миграции, в том числе нелегальные, из Украины в приграничные российские регионы.

Население и хозяйство приграничных регионов России и Украины постепенно адаптируется к новым условиям взаимодействия. Там, где возможно (в первую очередь, в институциональной и образовательной сферах), российские регионы переориентируются на сотрудничество с Белоруссией. В свою очередь, малые и средние предприятия из приграничных регионов Украины (Харьковская, Луганская, Донецкая области) открывают представительства или полностью переводят производство в соседние российские области с целью сохранить российский рынок сбыта и диверсифицировать риски. Эти предприятия могут заложить основу возобновления в будущем полномасштабного трансграничного экономического сотрудничества.

В наибольшей мере привычный уклад жизни близких к границе городов и районов был нарушен в Белгородской и Ростовской областях, где исторически поддерживались разносторонние связи с соседями. Многие субъекты экономической деятельности были вынуждены искать новые рынки сбыта, источники сырья и комплектующих изделий, логистические решения. Были приняты меры по укреплению безопасности погра-

ничья, сказавшиеся на повседневной жизни людей.

Изменение геополитической обстановки обернулось противоречивыми последствиями для локальных агентов трансграничных взаимодействий. В российском Восточном Донбассе внешние воздействия наложились на тройной кризис, который был вызван переходом к рыночной экономике, глубокой структурной перестройкой хозяйства в связи с закрытием шахт и образованием государственной границы с Украиной, отрезавшей регион от традиционных партнеров. Крайняя неопределенность перспектив отношений между Россией и Украиной, будущего ДНР и ЛНР ограничивает деятельность властей и экономических агентов, лишая их возможности выстраивания долгосрочных планов.

Вопреки ожиданиям экономического коллапса в результате практически полного разрыва торговых и производственных связей с Украиной, многие отрасли экономики Крыма в большей или меньшей мере адаптировались к новым условиям (торговля, транспорт, сельское хозяйство, туристско-рекреационный комплекс). Значительные риски сохраняются только для работы машиностроительных и химических предприятий. Часть проблем этих отраслей связана с хроническим недофинансированием со стороны украинского государства, с санкциями, затрудняющими выход на внешние рынки, получение современных технологий и инвестиций, а также периферийностью региона и высокими транспортными издержками. Нарушение привычных связей, введение антироссийских санкций в совокупности со сложностями включения нового региона в общероссийское экономическое и политическое пространства выявило уникальную адаптивность населения к резким изменениям в его жизни и высокую гибкость местной власти.

Литература:

- Алексеев В.Г.* Бегом от Европы? – Харьков: Факт, 2008.
- Багалій Д.І.* Історія Слобідської України. – Харків: Дельта, 1993.
- Вендіна О.І., Колосов В.А., Попов Ф.А., Себенцов А.Б.* Украина в политическом кризисе: образ Рос-

сии как катализатор противоречий // *Polis. Political Studies*. – 2014. – № 5. – С. 50-67.

Внешняя торговля Российской Федерации по основным странам за январь-декабрь 2016 г. / Федеральная таможенная служба. Режим доступа: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976&limitstart=5

Внутриполитические процессы в России и Украине и перспективы российско-украинских отношений в период 2014-2020 гг. Отв. ред. В.И. Пантин и В.В. Лапкин. – М.: ИМЭМО РАН, 2014.

Голоков А.П., Черномаз П.А. Украинско-российский еврорегион «Слобожанщина» как форма межрегиональной интеграции // Евразийская экономическая интеграция. – 2014. – № 2. – С. 85-98.

Западные окраины Российской империи: монография / Л.А. Бережная и др.; науч. ред. М. Долбилов, А. Миллер. – М.: НЛЮ, 2006.

Заяц Д.В., Зотова М.В., Туров Н.Л., Ключников М.И. Кризис российско-украинских отношений: последствия для трансграничных взаимодействий в Белгородской области // Известия. Серия географическая. – 2017. – №5. – С. 43-57.

Кирюхин А.М. Развитие приграничного сотрудничества между Украиной и Российской Федерацией в контексте европейской интеграции // Евразийская экономическая интеграция. – 2012. – № 4 (17). – С. 121-128.

Колосов В.А., Кирюхин А.М. Приграничное сотрудничество в российско-украинских отношениях // *Politia*. – 2001. – № 1. – С. 141-165.

Колосов В.А., Криндач А.Д. Российско-украинское пограничье (южная часть): идентичность и современная ситуация / Приграничные районы и приграничное сотрудничество. Под ред. Л.Б. Вардомского. – М.: ИМЭПИ РАН. 2000. – С. 95-121.

Крылов М., Гриценко А. Региональная и этнокультурная идентичность в российско-украинском и российско-белорусском порубежье: историческая память и культурные трансформации // Лабиринт. Журнал социально-гуманитарных исследований. – 2012. – № 2. Режим доступа: http://journal-labirint.com/wp-content/uploads/2012/05/journal/krylov_gritsenko.pdf

Лапкин В.В. Проблемы национального строительства в полиэтнических постсоветских обществах: украинский казус в сравнительной перспективе // *Полис. Политические исследования*. – 2016. – №4. – С. 54-64.

Пантин В.И., Лапкин В.В. «Этнополитические и этносоциальные процессы на постсоветском пространстве (на примере России, Белоруссии, Казахстана и Украины) // *Полис. Политические исследования*. – 2015. – №5. – С. 75-93.

Регионы России социально-экономические показатели 2017. Статистический сборник – Москва, 2017.

Российско-украинское пограничье: двадцать лет разделенного единства. Под ред. В.А. Колосова и О.И. Вендиной. – М.: Новый хронограф. 2011.

Рябчук М. Две Украины // Независимая газета. № 45 (216). 6 марта 1992.

Скоркин К. Элиты и контрэлиты Донбасса. Как сформировалось руководство ДНР-ЛНР / Московский центр Карнеги 19.01.2018. Режим доступа: <http://carnegie.ru/commentary/75294>

Статистичний збірник «Регіони України» 2017. Київ. 2017.

Субтельный О. Украина: история. – Киев: Лыбидь, 1994.

Экспорт товаров из Ростовской области в Украину достиг исторического максимума. Политика не помешала торговле // *DonNews*, 17.06.2017. Режим доступа: http://www.donnews.ru/Eksport-tovarov-iz-Rostovskoy-oblasti-v-Ukrainu-dostig-istoricheskogo-maksimuma_29987

D'Anieri, P.; Kravchuk, R.; Kuzio, T. *Politics and Society in Ukraine*. Boulder, CO: Westview Press, 1999.

Kuzio, T. *Ukraine. State and Nation Building*. New York: Routledge, 1998.

Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis: From the Soviet Union into Eurasia? / Stoklosa K., Besier G. (Eds.). London and New York: Routledge, 2016. Pp. 234-258.

Paasi, A. *Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border*. New York: John Wiley, 1996.

Wilson, A. *The Ukrainians: Unexpected Nation*. New Haven and London: Yale University Press, 2015.

Zhurzhenko, T. *The New Post-Soviet Borderlands: Nostalgia, Resistance to Changes, Adaptation. A Case Study of Three Near-Border Villages, Kharkiv oblast, Ukraine*, in Hurd M., ed. *Border Crossings: Territory, Memory and History in North and East Europe*. Eslöv: Gondolin, 2006. Pp. 57-87.

Zhurzhenko, T. *Identity in the Ukrainian-Russian Borderlands*, in Bacas J.L. and Kavanagh W., eds., *Asymmetry and Proximity in Border Encounters*. Oxford: Berghahn, 2013. Pp. 193-214.

References:

Alekseev, V.G. *Begom ot Evropy? (Running from Europe?)* Kharkiv: Fakt, 2008.

Bagalij, D.I. *Istorija Slobids'koj Ukraïni (History of Slobodskoy Ukraine)*. Har'kiv: Del'ta, 1993.

Vendina, O.I.; Kolosov, V.A.; Popov, F.A.; Sebentsov, A.B. *Ukraina v politicheskoy krizise: obraz Rossii kak katalizator protivorechij (Ukraine in the Political Crisis: the Image of Russia as a Catalyst for Contradictions)* // *Polis. Political Studies*, 2014, No 5, pp. 50-67.

Vneshnjaja trgovlja Rossijskoj Federacii po osnovnym stranam za janvar'-dekabr' 2016 (Foreign Trade of the Russian Federation by Major Countries for January-December 2016 / Federal Customs Service). Mode of access: http://www.customs.ru/index.php?option=com_newsfts&view=category&id=125&Itemid=1976&limitstart=50

Vnutripoliticheskie processy v Rossii i Ukraine i perspektivy rossijsko-ukrainskih otnoshenij v period 2014-2020 (The Internal Political Processes in Russia and Ukraine and the Prospects for Russian-Ukrainian Relations in 2014-2020). Ed. by V.I. Pantin, V.V. Lapkin. Moscow: IMEMO RAN, 2014.

Golikov, A.P.; Chernomaz, P.A. *Ukrainsko-rossijskij evroregion «Slobozhanshhina» kak forma mezhregional'noj integracii (Ukrainian-Russian Euroregion "Slobozhanschina" as a Form of Inter-Regional Integration)* // *Evrazijskaja jekonomicheskaja integracija*, 2014, No. 2, Pp. 85-98.

Zapadnye okrainy Rossijskoj imperii: monografija (Western Suburbs of the Russian Empire) / L.A. Berezhnaja and oth.; Ed. by M. Dolbilov, A. Miller. Moscow: NLO, 2006.

Zayats, D.V.; Zotova, M.V.; Turon, N.L.; Kljuchnikov, M.I. *Krizis rossijsko-ukrainskih otnoshenij: posledstvija*

dlja transgranichnyh vzaimodejstvij v Belgorodskoj oblasti (The Crisis of Russian-Ukrainian Relations: Implications for Cross-Border Interactions in the Belgorod Region) // *Izvestija. Serija geograficheskaja*, 2017, No. 5, pp. 43-57.

Kirjuhın, A.M. Razvıtje prigranichnogo sotrudnichestva mezhdı Ukrainoj i Rossijskoj Federacıej v kontekste evropejskoj integracii (Development of Cross-Border Cooperation between Ukraine and the Russian Federation in the Context of European Integration) // *Evrasijskaja jekonomicheskaja integracija*, 2012, No. 4 (17), pp. 121-128.

Kolosov, V.A.; Kirjuhın, A.M. Prigranichnoe sotrudnichestvo v rossijsko-ukrainskih otnoshenijah (Cross-Border Cooperation in Russian-Ukrainian Relations) // *Politika*, 2001, No. 1, pp. 141-165.

Kolosov, V.A.; Krindach, A.D. Rossijsko-ukrainskoe pogranich'e (juzhnaja chast'): identichnost' i sovremennaja situacija (Russian-Ukrainian Borderlands (Southern Part): Identity and the Current Situation) / Prigranichnye rajony i prigranichnoe sotrudnichestvo. Ed. by L.B. Vardomskogo. Moscow: IMEPI RAN, 2000. Pp. 95-121.

Krylov, M.; Gritsenko, A. Regional'naja i jetnokol'turnaja identichnost' v rossijsko-ukrainskom i rossijsko-belorusskom porubezh'e: istoricheskaja pamjat' i kul'turnye transformacii (Regional and Ethnocultural Identity in the Russian-Ukrainian and Russian-Belarusian Borderlands: Historical Memory and Cultural Transformations) // *Labirint. Zhurnal social'no-gumanitarnyh issledovanij*, 2012, No. 2. Mode of access: http://journal-labirint.com/shhp-content/uploads/2012/05/journal/krylov_gritsenko.pdf

Lapkin, V.V. Problemy nacional'nogo stroitel'stva v polijetnicheskikh postsovetских obshhestvah: ukrainskij kazu s sravnitel'noj perspektive (Problems of National Construction in Polyethnic Post-Soviet Societies: Ukrainian Case in Comparative Perspective) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2016, No. 4, pp. 54-64.

Pantin, V.I.; Lapkin, V.V. «Etnopoliticheskie i jetnosocial'nye processy na postsovetском prostranstve (na primere Rossii, Belorussii, Kazahstana i Ukrainy)» ("Ethnopolitical and Ethnosocial Processes in the Post-Soviet Space (on the Example of Russia, Belarus, Kazakhstan and Ukraine) // *Polis. Politicheskie issledovanija*, 2015, No. 5, pp. 75-93.

Regiony Rossii social'no-jekonomicheskie pokazateli 2017 (Regions of Russia Socio-Economic Indicators 2017). Moscow, 2017.

Rossijsko-ukrainskoe pogranich'e: dvadcat' let razdelennogo edinstva (Russian-Ukrainian Borderlands: Twenty Years of Divided Unity). Ed. by V.A. Kolosov and O.I. Vendina. Moscow: Novyj hronograf. 2011.

Rjabchuk M. Dve Ukrainy (Two Ukraines) // *Nezavisimaja gazeta*, No 45 (216). March 6, 1992.

Skorkin, K. Elity i kontrelity Donbassa. Kak sformirovalos' rukovodstvo DNR-LNR (Elites and Counter-Elites of Donbass. How the Leadership of the DNR and the LNR Was Formed) // *Moskovskij centr Karnegi*, 19.01.2018. Mode of access: <http://carnegie.ru/commentary/75294>

Statisticheskij zbirnik «Regions of Ukraine» 2017 (Statistical Publication "Regions of Ukraine" 2017). Kiev. 2017

Subtel'nyj, O. Ukraina: istorija (Ukraine: History). Kiev: Lybid', 1994.

Eksport tovarov iz Rostovskoj oblasti v Ukrainu dostig istoricheskogo maksimuma. Politika ne pomeshala

torgovle (The Export of Goods from the Rostov Region to Ukraine Reached a Historic High. Politics Did not Prevent Trade) // *DonNews*, 17.06.2017. Mode of access: http://www.donnews.ru/Eksport-tovarov-iz-Rostovskoy-oblasti-v-Ukrainu-dostig-istoricheskogo-maksimuma_29987

D'Anieri, P.; Kravchuk, R.; Kuzio, T. Politics and Society in Ukraine. Boulder, CO: Westview Press, 1999.

Kuzio, T. Ukraine. State and Nation Building. New York: Routledge, 1998.

Neighbourhood Perceptions of the Ukraine Crisis: From the Soviet Union into Eurasia? / Stoklosa K., Besier G. (Eds.). London and New York: Routledge, 2016. Pp. 234-258.

Paasi, A. Territories, Boundaries and Consciousness: The Changing Geographies of the Finnish-Russian Border. New York: John Wiley, 1996.

Wilson, A. The Ukrainians: Unexpected Nation. New Haven and London: Yale University Press, 2015.

Zhurzhenko, T. The New Post-Soviet Borderlands: Nostalgia, Resistance to Changes, Adaptation. A Case Study of Three Near-Border Villages, Kharkiv oblast, Ukraine, in Hurd M., ed. Border Crossings: Territory, Memory and History in North and East Europe. Eslöv: Gondolin, 2006. Pp. 57-87.

Zhurzhenko, T. Identity in the Ukrainian-Russian Borderlands, in Bacas J.L. and Kavanagh W., eds., *Asymmetry and Proximity in Border Encounters*. Oxford: Berghahn, 2013. Pp. 193-214.

<http://dx.doi.org/10.18611/2221-3279-2018-9-2-41-61>

TRANSFORMATION OF CROSS-BORDER INTERACTIONS ON THE RUSSIAN-UKRAINIAN BORDERLAND AFTER 2014

Vladimir A. Kolosov

*Institute of Geography of Russian Academy of Science,
Lomonosov Moscow State University,
Moscow, Russia*

Article history: <i>Received:</i> 1 March 2018 <i>Accepted:</i> 27 April 2018	Abstract: The article examines the impact of the political crisis between Russia and Ukraine on the development and interaction of the regions of the Russian-Ukrainian borderlands. The backgrounds that lead to the political conflict between the two states are briefly analyzed. Changes in socioeconomic indicators of the neighboring regions are evaluated, as well as the state of cross-border interactions and adaptation of the economy and social sphere to the changed conditions in five key areas. It was established that the gradients between the neighboring regions in all parts of the Russian-Ukrainian borderland increased significantly. The sharpest gradients in 2016 were identified on the border sections between the Belgorod and Kharkov regions, Rostov and Donetsk regions. At the same time, economic and social interactions, though weakened, do not cease completely and retain the potential opportunity for restoring cooperation, given favorable conditions arise.
About the author: Dr. of Geography, Professor, Deputy Director and Head of Laboratory for Geopolitical Research, Institute of Geography of RAS; Head of Department for Geography of World Economy, Lomonosov Moscow State University e-mail: vladimirkolosov@gmail.com	
Key words: Russia; Ukraine; borderland; crisis; socioeconomic gradients; economic ties; cross-border cooperation	

Acknowledgements: The study was realized in the Institute of Geography of the Russian Academy of Sciences and was supported by the grant of Russian Science Foundation, project No. 14-18-03621

Для цитирования: Колосов В.А. Трансформация трансграничных взаимодействий на российско-украинском пограничье после 2014 года // *Сравнительная политика*. – 2018. – № 2. – С. 41-61.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-41-61

For citation: Kolosov, Vladimir A. Transformatsiia transgranichnykh vzaimodeistvii na rossiisko-ukrainskom pograniich'e posle 2014 goda (Transformation of Cross-Border Interactions on the Russian-Ukrainian Borderland after 2014) // *Comparative Politics Russia*, 2018, No. 2, pp. 41-61.

DOI: 10.18611/2221-3279-2018-9-2-41-61